

Александр Прохорович

...Я родился на Рязанщине на шестом месяце войны, в ноябре 1941-го. Мой отец Прохор Семенович, бондарь в артели, был призван на трудовой фронт и находился далеко от семьи, даже не могу сказать, где точно. Мама Марфа Петровна работала в местном колхозе «Победа». Дома её ждал не только я, грудной младенец, но и старшие дети – 14-летняя Клавдия, 11-летний Иван, семилетняя Маша, четырехлетний Вася. Самая младшая наша сестренка Аня родилась уже после войны в 1947 году.

Я, конечно, не осознавал тогда и до конца не могу осознать даже сейчас, что шла война. Помню только послевоенные годы. Единственное, что мы очень хорошо чувствовали – голод. В домашнем хозяйстве у нас были корова, куры, но питались всё равно экономно и скромно. Чтобы купить сахар и крупу, продавали молоко. В колхозе маме не только ставили трудодни, но и в награду за добросовестную работу давали зерно – пшеницу или рожь. Сушили его на печке. Мы, дети, внимательно следили, когда мама будет убирать высушенное зерно. А как снимет, так мы бегом к печи. Там, между кирпичами, можно было найти оставшиеся, не замеченные мамой зернышки. Выгребашь их – и в рот, выгребашь – и в рот... Сейчас бы люди сказали: «Какая антисанитария!». А нам просто постоянно хотелось есть. На обед у нас была мурцовка. Знаете что это такое? Это ржаной хлеб, размоченный в воде с солью.

Когда отец вернулся домой, то тоже никак не мог насытиться. Помню, мама сварила ему чугунок картошки, а он сел за стол и сразу же все проглотил. Мама испугалась: «Больше пока не дам, а то умрёшь». А мне было так радостно, что папа наконец с нами...

Дома папа продолжил трудиться бондарем – делал кадки для творога и молока. Получал за свою работу деньги, а не трудодни, на них мы покупали хлеб и сахар. А я такой сластена! Отец квадратики сахара колот на маленькие-маленькие кусочки и выдавал нам по одному. Так мне этой порции хватало только на полстакана чая вприкуску. Ещё дома был фруктовый чай – брикет из зерен, кусочков яблок, сушеных ягод, спресованных патокой. Мы каждый день подходили к нему и потихоньку отщипывали сладковатые крошки. Родители молчали, не ругались. Я думал тогда: «Не замечают», а сейчас вот сомневаюсь...

Хотя и наказывали нас, бывало. У нас дома стоял сундук. В нём родители хранили сахар. Однажды мама забыла закрыть сундук. Я увидел, вытащил из него мешочек сахарного песка, положил в карман и убежал на

улицу. Соседские ребята стали просить: «Дай немного...». Я всех угостил. Но отец заметил: «Выворачивай карманы». Попало мне тогда...

Кроме сахара в этом сундуке хранился узкий ящичек с крышкой. В нём лежали деньги. Однажды я ножом достал оттуда десятку. Радостный, побежал с друзьями в магазин. Продавец Егор спрашивает: «Тебе на всю?» Я отвечаю: «На всю!». И Егор огромную гору пряников и печенья на весы положил! А я без сумки пришел, а пакетов тогда и вовсе не было. Рассовал добычу по карманам, за пазуху. Иду, все сыпется. Обнаружили родители пропажу денег или нет, не помню...

Наша семья очень дружная, всегда друг за друга стояли, держались. Люди всю жизнь нам говорили: «Какие вы цельные, спаянные»... Старшие братья и сестры нянчились с младшими. На шестерых у нас были две пары резиновых сапог, поэтому гуляли мы по очереди. Коньки – деревяшка, в середине проволока вместо лезвия. А все равно игры вспоминаешь с улыбкой. Игрушки делали сами: у моих сестер – куклы с набитой ватой головою. Там, где предполагалось лицо, химическим карандашом рисовали глаза, нос, рот... Из глины делали и другие игрушки – птиц, зверей, паровозы, танки...

На новый год папа из леса привозил ёлку. Никто в деревне не делал этого, только наша семья. Мы наряжали лесную красавицу самодельными игрушками, разучивали стихи, иногда даже ставили маленькие пьесы. К нам приходили соседские дети.